Ленинградская правда, 1962, 5 декабря

Маленькие трагедии в Театре имени А. С. Пушкина

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВОСХИЩЕНИЯ

ТРИ ДНЯ подряд с каким-то невыразимым трепетом, с этим холодком, пробегающим по коже, сидел я в партере Академического театра имени А. С. Пушкина и смотрел на репетициях его маленькие трагедии. Я видел живой праздник пушкинской мысли во всей ее строгой чистоте, во всем многообразии.

Бытует еще до сих пор среди специалистов мнение, что Пушкин писал свои трагедии для чтения, а не для постановки на сцене. Я убедился в первый же день, что эти сомнения несостоятельны. Мне хочется остановиться сейчас не на всем спектакле, а только на «Моцарте и Сальери», и не потому только, что эта трагедия занимает, как мне кажется, в маленьких трагедиях Пушкина особое место, а потому, что она зазвучала для меня как откровение.

Я не боюсь говорить эти слова, потому что меня потрясла эта трагедия. Я счастлив до слез, что был свидетелем этой гигантской битвы добра и зла, тьмы и света, открытой души гения и зависти. Она помогла мне шире и глубже понять сложнейший мир человеческих душ и заставила с новой силой поверить в то, что справедливость на земле торжествует.

И когда на открытой, постепенно светлеющей сцене из-за пюпитра поднялся измученный сомнениями человек и произнес первые слова:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет и выше, —

я был уже во власти его мятущейся души, его гордого, самолюбивого характера и, сопротивляясь его мысли, стал за него переживать его трагедию.

О, он очень умен, он дьявольски умен, этот Сальери. Он пустую душу завистника и себялюба умеет прикрыть высокой фразой.

И как божественно прост и простодушен Моцарт! Его сравнивают с богом, а он шутит:

Бв, право? Может быть...
Но божество мое проголодалось.
Я знаю наизусть, чем кончится трагедия. Мне хочется крикнуть: «Не верь ему, тебя отравят, Моцарт!»

Но я — в храме искусства, а не на площади, и меня отделяет от трагедии рампа, о которой я позабываю: потому что игра Н. Симонова (Сальери) и В. Честникова (Моцарт) выше похвалы. Естественность пушкинской мысли во всей многообразности его стиха передается глубоко и просто. Передается так, что забываешь, что это стихи, и в то же время чувствуешь, что это стихи. Режиссер Л. Вивьен и художник А. Босулаев тоже нашли сценическое решение, адекватное пушкинской мысли. Все свободно и ничего лишнего.

Но действие идет, и Моцарт берет в руку стакан с отравленным вином, говорит, раздумывая о Бомарше:

...Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство
Две вещи несовместные. Не правда ль?

И Моцарт погибает. А мысль, что гений и злодейство — две вещи несовместные, живет.

Я иду, толкаясь, в третий раз в раздевалке. Я выхожу на площадь. Влажный ветер освежает лицо. Я думаю о времени и буряк, которые прошли в душах моих современников. Моцарта отравить нельзя. Моцарт — это жизнь! И мне кажется, что среди восхищенных зрителей мелькают старомодная крылатка и высокий цилиндр, бакенбарды и знакомый профиль с выпяченными слегка губами, и эти губы шепчут: «А недурно, брат Пушкин! А!»

С этим нельзя не согласиться, и в этом нет никакой мистики.

Михаил ДУДИН

Моцарт и Сальери — народные артисты СССР В. ЧЕСТНОКОВ (справа) и Н. СИМОНОВ.

«Каменный гость». Дон-Гуан — заслуженный артист Азербайджанской ССР Н. ШАШИН, Лепорелло — народный артист СССР А. БОРИСОВ.

«ИСТИНА СТРАСТЕЙ...»

„ИСТИНА страстей, правдоподобие чувствований...» — этого требовал А. С. Пушкин от драматического писателя. И сам он гениально воплотил эту формулу прежде всего в своих маленьких трагедиях. Поэтому постановка их на сцене особенно сложна: тут нужно в немногом сказать многое, дать сгущенную и лаконичную характеристику каждому персонажу, найти форму предельно скупую и яркую.

Театр, носящий имя Пушкина, во многом достиг этого: имя великого русского поэта украшает отныне не только его афишу, но и сцену.

Бесспорно, самый «пушкинский» спектакль, самые сильные и высокие эмоции вызывает «Моцарт и Сальери». Но и для «Каменного гостя» и несколько в меньшей мере «Скупого рыцаря» режиссер Л. Вивьен, художник А. Босулаев нашли строгую простоту, внутреннюю динамичность.

«Каменный гость» — известнейший сюжет, к которому обращались поэты и писатели разных времен.

Роль Дон-Гуана играет новый для ленинградцев исполнитель — заслуженный артист Азербайджанской ССР Н. Шашин. Смелость, обаяние, грация, неотразимость Дон-Гуана — все это передано актером превосходно. Но, думается, что образ много выиграл бы в своей глубине, если бы сильнее прозвучали бунтующая мысль пушкинского героя, его спор с небом.

Великолепен Лепорелло в мастерском исполнении народного артиста СССР А. Борисова. Он играет слугу своего беспечного господина свободно и весело, с большим юмором; его фигура ярко оттеняет драматизм развивающихся событий.

Этот внутренний драматизм, борьбу чувства с долгом еще несколько робко передает молодая актриса Г. Карелина в образе Донны Анны. Но выбор актрисы на эту роль можно лишь приветствовать: в ее игре есть ощущение стиля и эпохи произведения, сдержанность и благородство.

Темпераментно, ярко воплощает Л. Штыкан характер беспечной Лауры, подруги Дон-Гуана.

Менее других трагедий волнует «Скупой рыцарь», хотя, казалось бы, исполнителей упрекнуть не в чем. Народный артист СССР Н. Черкасов мастерски раскрывает контрастные качества своего героя: жадность и гордость, жестокость и ум. Молодой актер Р. Кульд в роли Альбера — весь олицетворение пылкой отваги, так же как Ю. Родионов (герцог) — живое воплощение справедливости, чести. Но в истолковании этой маленькой трагедии, думается, недостает остроты конфликта и той самой живой «истины страстей», которой пронизаны все пушкинские трагедии. И, хотя представление неравноценно, хочется от души поблагодарить пушкинцев за их новый спектакль.

О. ПЕРСИДСКАЯ

«Скупой рыцарь». Барон — народный артист СССР Н. ЧЕРКАСОВ, герцог — артист Ю. РОДИОНОВ.

Фото Д. Мовшина